

Церковь небесная.

*Вы приступили къ горѣ Сіону,
и ко граду Бога живаго, къ небесному
Іерусалиму и тѣмъ Ангеловъ, къ
торжествующему собору и церкви
первенцевъ, написанныхъ на небесахъ,
и къ Судіи всѣхъ Богу, и къ духамъ
праведниковъ, достигшихъ совершен-
ства, и къ ходатаю новаго заветъа
Іисусу (Евр. XII, 22—24).*

На слабомъ языкѣ человѣческомъ, привычномъ болѣе говорить слова скорби,—бѣдному человѣческому сердцу, на жизненной тропѣ часто жестоко изнемогающему въ бореніи съ собою и тяжелыми искушеніями зла,—нельзя было сказать высшаго утѣшенія, чѣмъ сказалъ св. апостолъ только-что прочитанными словами. Ихъ смыслъ—цѣлая философія христіанской жизни, философія нравственной бодрости и радостно-одушевленнаго земного подвига. Ея не знала цѣликомъ языческая древность, потому что она чужда была мысли о Богѣ-Любви и единственномъ цѣнномъ величіи человѣка, жизнь свою полагающаго на жертвенникѣ любви къ Богу и брату-человѣку. Ее лишь отчасти предугадывало и трепетно предчувствовало сердце ветхозавѣтнаго человѣка. И она полностью возвѣщена въ христіанскомъ ученіи о церкви, какъ о великомъ живомъ союзѣ святаго Неба и вѣрующей

земли—вѣрующихъ, находящихся въ земномъ странствованіи и святыхъ небожителей...

Церковь Христова, учитъ св. Писаніе, есть церковь католическая и, потому, вмѣщаетъ въ своихъ границахъ и землю и небо и связываетъ ихъ союзомъ органическимъ. *Иною она и быть не можетъ.*

Церковь есть тѣло Христово. А въ этомъ тѣлѣ совершеннѣйшіе его члены суть тѣмы Ангеловъ и достигшіе совершенства первенцы, написанные на небесахъ. Но на этомъ же тѣлѣ, какъ на Лозѣ, привиты благодатно и живыя вѣтви—члены церкви земной. И какъ въ живомъ тѣлѣ жизненная сила проходитъ по всѣмъ членамъ, и разрывъ въ частяхъ его есть разрушеніе тѣла, такъ въ тѣлѣ Христовой церкви невозможно разъединить вѣрующихъ на землѣ отъ первенцевъ небеснаго, торжествующаго собора, потому что разъединеніе ихъ означало бы немислимое для христіанскаго сознанія разрушеніе цѣлости церкви.

Итакъ, св. Небо недалеко отъ насъ, учитъ церковь. Чистые ангелы, пречистая Богоматерь, святые угодники—друзья Божіи—около насъ... Ихъ жизнь невидимо сливается съ нашею жизнью,—ихъ великія души, незримыми, духовными движеніями, переплетаются съ міромъ нашей души.

И нужно ли спрашивать, возможно ли это? Вопросъ неправильный въ своей постановкѣ.

Иное невозможно. Вотъ отвѣтъ. Чѣмъ сіяли праведники на землѣ? Чѣмъ дышало ихъ сердце, когда они совершали свое спасеніе около братьевъ своихъ? Какая сила влекла миллионы вѣрующихъ къ порогамъ келлій праведныхъ старцевъ, къ свѣтильникамъ вѣры, святителямъ церкви вселенской,—подъ сѣнь ихъ благословляющей руки? Почему непрерывною густою волною, не зная препятствій, не чувствуя усталости, съ мѣднымъ грошомъ въ карманѣ и съ горячимъ огнемъ надежды въ груди, приливали тысячи тысячъ русскихъ сердець къ убогой пустынкѣ преподобнаго Серафима,

когда онъ подвизался въ Саровѣ? Потому же, почему все, ищущее здоровья, жадно тянется къ теплу и свѣту. Потому что самый воздухъ около праведниковъ насыщенъ былъ любовью. Потому что любить во имя Господа ближняго своего, какъ самого себя,—было единственно понятною для нихъ задачею жизни. Потому что въ ихъ любящемъ сердцѣ никому не было тѣсно: ихъ сострадательная ласка, мягкое тепло братскаго привѣта всѣхъ покрывали, всѣхъ грѣли, цѣлительнымъ, вѣрнымъ елеемъ ложился на изнуренныя грѣхомъ и тоской души полонниковъ; а ихъ благодатная молитва поднимала силы, крѣпила вѣру, оживляла бодрость въ ослабѣвшихъ.

„Всѣхъ онъ принималъ съ любовью, читаемъ въ житіи св. Серафима, всѣхъ встрѣчалъ земнымъ поклономъ, лаской во взорѣ и улыбкой на устахъ, всѣхъ трогалъ своимъ сердечнымъ привѣтствіемъ, всѣмъ говоря: „радость моя“! И въ этой любви милующей, въ этомъ молитвенномъ подвигѣ за міръ грѣшныя святые видѣли свое христіанское призваніе... И что же? По переселеніи къ Господу могли они забыть насъ, своихъ родныхъ по плоти и духу? Могли заставить замолчать свое любящее сердце потерять состраданіе? Могли выронить изъ памяти нашу бѣдную жизнь?—О, конечно, нѣтъ... Любовь никогда не отпадетъ (I Кор. XIII. 8). На небѣ она еще дѣйственнѣе, просвѣтленному взору съ небесъ яснѣе нашъ міръ скорби и труда, освобожденное отъ узъ земли сердце видитъ дальше, чувствуетъ глубже, обнимаетъ любовью шире... Это разсужденіе, а вотъ свидѣтельство о дѣлахъ святыхъ для насъ:

„Онъ (Іуда Маккавей) видѣлъ въ видѣніи (на небѣ) Онію, бывшаго первосвященника, мужа чистаго и добраго, почтеннаго видомъ, кроткаго нравомъ, пріятнаго въ рѣчахъ, издѣтства ревностно усвоившаго все, что касалось добродѣтели,—видѣлъ, что онъ, простирая руки, молится за всѣхъ.

Труды Киевск. дух. акад. Т. I. 1905 г.

народъ Іудейскій. Потомъ явился другой мужъ, украшенный сѣдинами и славою, окруженный дивнымъ и необычайнымъ величіемъ. И сказалъ Онія: это братолюбецъ, который много молится о народъ и святомъ городѣ, Іеремія, пророкъ Божій (2 Макк. XV, 12—14).

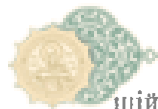
Еще: „И отвѣчалъ Ангелъ Господень, и сказалъ: Господи Вседержителю! Доколѣ ты не умилился надъ Іерусалимомъ и надъ городами Іуды, на которые Ты гнѣваешься вотъ уже семьдесятъ лѣтъ? Тогда, въ отвѣтъ Ангелу, говорившему со мною, изрекъ Господь слова благія, слова утѣшительныя“ (Захар. I, 12—13).

Еще: „И пришелъ иный Ангелъ и сталъ предъ жертвенникомъ, держа золотую кадильницу; и дано было ему множество ѳиміама, чтобы онъ съ молитвами всѣхъ святыхъ возложить его на золотой жертвенникъ, который предъ престоломъ. И вознесся дымъ ѳиміама съ молитвами святыхъ отъ руки Ангела предъ Бога“ (Апокал. VIII, 3—4).

Еще: „Ангелы—служебные духи, посылаемые на служеніе для тѣхъ, которые имѣютъ наследовать спасеніе (Евр. I, 14). Ангелы хранятъ насъ на всѣхъ путяхъ нашихъ. (Пс. 90, 11—12). Ангелы, данные каждому изъ насъ, какъ бы мы ни были малы въ погрѣшительномъ мнѣніи человѣческомъ, наши хранители—всегда видятъ лицо Отца нашего Небеснаго (Мѡ. 18, 10).

Слышите: сами наслаждаясь лицецрвніемъ Господа, не холодными и безстрашными, а жалѣющими взорами смотрятъ небожители на нашу землю, не безучастны они къ нашей нуждѣ и скорби. Ихъ счастье въ томъ, чтобы сдѣлать наше счастье; ихъ радость въ томъ, чтобы тепломъ своей радости отогрѣть такъ часто безрадостное, тоскующее сердце оставленныхъ на землѣ насъ, друзей своихъ.

Таково общеніе церкви небесной съ церковью земною, но изображенію св. Писанія. Соборъ святыхъ, торжествую-

щей побѣду надъ зломъ, простираетъ любящую и сильную руку дѣятельной помощи собору воинствующихъ на землѣ вѣрныхъ.

Тѣмъ и сильна церковь Христова на землѣ, потому и благонадежна она для ищущихъ спасенія, что имѣетъ крѣпкій щитъ и несокрушимую опору въ этомъ небесномъ заступничествѣ святыхъ молитвенниковъ... За эту защиту не страшны вѣрующей душѣ никакія темныя воды зла и искушеній.

Подъ сѣнью ея скрываются силы душевныя; падъ глубиною нравственнаго паденія занимается радостная заря возрожденія, изъ унынія возникаетъ свѣтлая надежда, изъ скорби растетъ радость, изъ отчаянія—твердая вѣра.

Въ душномъ угарномъ воздухѣ земной суеты, насыщенномъ вредно-огняющей сладостью страстей, подъ давящимъ гнетомъ тяжелыхъ ошибокъ, испытующихъ ударовъ неправды людской—смятенная, растерянная, слабая душа часто понижается, зарастаетъ соромъ, приникаетъ преждевременно побѣжденная къ землѣ и подъ-часъ надолго засыпаетъ въ чадномъ безсильномъ оцѣненіи...

И она можетъ задохнуться... Задыхается же человекъ, если онъ помещенъ въ душной тюрьмѣ безъ свѣта и воздуха...

Но вотъ на уснувшую совѣсть, изнеможенную, обезсиленную душу изъ міра вѣчности блеснулъ яркій лучъ зовущаго къ небу свѣта, слуха дотошъ тупого коснулась дивная пѣснь о святомъ, взоръ палъ случайно, на чистый, весь свѣтящійся любовью и состраданіемъ ликъ, озаренный мягкимъ свѣтомъ лампы, слѣдъ святой стопы отпечатлѣлся предъ сознаніемъ въ видѣ памятки какой-нибудь отъ гробницы праведника... И пробужденная душа грѣшная затрепетала священнымъ волненіемъ. Покой грѣховный нарушенъ, заговорила властно совѣсть, воскресли и обступили душу

святѣя воспоминанія изъ яснаго міра возвышенной мечты и теплаго религіознаго чувства. Душа воспрянула, загорѣвшаяся очистительнымъ огнемъ стыда за свое малодушіе... и воскресла для неба...

И эта картина, вы полагаете, надуманная? О, нѣтъ... Ея ліпін, тоны и краски взяты изъ живыхъ, безчисленныхъ въ Христовой церкви, повѣстей возрожденій грѣшниковъ къ жизни вѣчной, подѣ влияніемъ одной только мысли о дѣйствительномъ присутствіи около насъ и съ нами святыхъ небожителей. Она, эта картина, вобрала въ себя въ мачомъ масштабѣ настоящія, сложенные у могилъ святыхъ, предѣ иконами ихъ, предѣ ихъ останками, горячія покаянныя слезы, глубокія стенанія совѣсти, облегченныя вздохи, когорые, если бы только можно было ихъ всѣ подслушать по всему пространству земной церкви, потрясли бы насъ умиле-ніемъ, и которые, мы знаемъ, въ праведныхъ небесахъ перелагаются въ торжественныя пѣсни радости ангеловъ о началѣ спасенія кающихся грѣшниковъ...

Такъ, только одною памятью о себѣ, святые цѣлягъ насъ,—„какъ колоколь церковный зовуть насъ къ небу“..., удѣляя намъ отъ своей святости дары душевнаго обновленія.

Но святые не только указываютъ намъ небо,—они ведутъ насъ къ нему. И прежде всего, своими примѣрами... Они поднимаютъ въ насъ вѣру въ себя, въ наши силы, въ нашу дѣйствительную возможность страхнуть отъ себя прахъ земли и грѣха и подняться на возможную вершину совершенства... „Они вышли изъ насъ, были плоть отъ плоти и кость отъ костей нашихъ,—и поднялись при помощи Божіей на высоту, о которой трудно было и помыслить, чтобы она кому-нибудь изъ насъ была доступна“ (іер. Михаилъ)... И съ этой высоты шлютъ намъ великое ободреніе: „Учитесь понимать себя, братья наши, какъ бы такъ говорятъ намъ святые,—учитесь уважать себя, благо-

говѣть предъ святымъ сѣменемъ добра, предъ искрой Божіей въ вась зажженной; не позволяйте потускнѣть въ вась начертанному перстомъ Господнимъ—образу Божію“. Обрабатывайте свою душу, очищайте ее... Трудитесь, боритесь, царство Божіе усиленіемъ берется... Не думайте, что это невозможно. Невозможно человѣку, возможно Богу. Гдѣ совершается трудъ во имя Божіе, тамъ Богъ помощникъ... Его силою и мы оказались сильны въ немощи своей... Идите по стопамъ нашихъ“... Мало ли этихъ благодатныхъ словъ утѣшенія, чтобы окрылить энергію въ совѣтливой душѣ и поставить ее на путь дѣятельнаго подвига?.. Мало этого?— Но вѣдь святые, вы слышали, безмѣрно больше этого даютъ намъ. Не только убѣждаютъ, увлекаютъ примѣромъ,—они ведутъ насъ. „Берутъ за руки, какъ дѣтей не умѣющихъ ходить, и ведутъ туда, куда уже пришли сами“.

Они живые люди и потому не могутъ, по существу природы своей,—не могутъ пройти мимо насъ. Они слышатъ и спѣшатъ на всякій вздохъ больной души, и знаютъ и умѣютъ, какъ отвѣтить на этотъ вздохъ. „Свѣтлой, небесной мысли ихъ открыты болѣе, чѣмъ живымъ мудрецамъ, гайны воздѣйствія на раны души, и они (говорю) умѣютъ цѣлительно касаться болящихъ кровью и гноемъ духовныхъ и тѣлесныхъ ранъ“ (іер. Михаилъ)... И если бы мы подумали предъ собраніемъ своимъ сейчасъ вскрыть сердца всѣхъ, кто страдалъ душевно и тѣлесно и страданія свои молитвенно вѣрялъ помощи святыхъ, если бы подумали измѣрить, усчитать все обиліе благодатнаго утѣшенія, которое они незримо, а иногда осязательно, очевидно, посылаютъ такимъ страдальцамъ, всѣ моменты просвѣтленія, радости, отрадныхъ слезъ, всѣ чудеса исцѣленій, иногда заставляющія ожесточенное невѣріе—содрагаться изумленіемъ,—я полагаю, намъ не хватило бы для этого всѣхъ человѣческихъ мѣрокъ и опредѣленій...

А тайна этого благодатнаго вліянія ихъ на нашу душу, на нашу немощь въ томъ, что святые—друзья Божіа,—что въ очахъ Божіихъ они сильны своею праведностью и любовью къ намъ,—что за любовь ихъ къ намъ, Господь даетъ право имъ съ дерзновеніемъ предстательствовать молитвою за насъ у престола Его милосердія, и они молятся за насъ на небесахъ, какъ молились по тому же праву и съ такимъ же плодомъ при жизни... Они молятся, исправляя и укрѣпляя нашу молитву. Мы молимся плохо, потому что плохо сознаемъ себя, плохо понимаемъ зло въ себѣ; а святые, принимая въ себя наши души, умѣютъ скорбѣть о нашихъ грѣхахъ, умѣютъ молиться. Они молятся о томъ, о чемъ мы не умѣемъ молиться“ (іер. Михалъ). И мы вѣримъ и знаемъ, что въ часъ нашъ молитвенный, когда сердце наше глухо и тяжело бьется отъ думъ человѣческихъ, томится и мятется, не зная подѣ-часть, чего себѣ просить въ облегченіе,—чего прежде всего просить,—они, съ пречистою Матерью, съ ангелами, святыми, какъ ѳиміамъ, возносятся къ престолу Божію наши молитвенныя воздыханія и испрашиваютъ у милосердія Божіа того, что есть едино на потребу нашей худости.

Здѣсь объясненіе и тому, почему церковь святая призываетъ насъ прославлять святыхъ и молиться имъ...

Прославлять ихъ... Да какъ не прославлять ихъ, какъ не преклоняться благоговѣніемъ предъ величіемъ ихъ святости?.. Какъ можно удержать сердце отъ восхищенія предъ чарующими образами чистоты и праведности?.. Въдъ это восхищеніе—неудержимая потребность всякой души даже въ грѣховномъ состояніи,—да въ грѣховномъ состояніи, можетъ быть, еще сильнѣе чувствующей великую обаятельную силу свѣта, исходящаго отъ лучей Божіей благодати, озаряющихъ тѣхъ, кто съумѣлъ ярко просвѣтить въ себѣ образъ Божій. Это прославленіе—молитвенно-восхищенный поклонъ Господу и Его лику, воплощенному въ душѣ праведника... И только

грубый, узкій и мелко-фарисейскій характеръ, въ поискахъ формальной, холодной правды не разумѣющей какъ должно тайны общенія Господа съ душою человѣка,—только онъ можетъ пренебрегать прославленіемъ святыхъ. Думая службу единому Богу приносить, онъ преступнымъ небреженіемъ хулитъ Его святую силу и благодать, напечатлѣнные въ ликахъ великихъ Его угодниковъ...

Молитесь святымъ. Мы молимся, чтобы они молились за насъ. Молимся, потому что знаемъ, что они слышатъ насъ, сосрадаютъ намъ, любятъ насъ, что они—друзья Божіи, друзья и наши,—близкіе намъ, единосущные. И молясь, твердо вѣримъ, опытами жизни знаемъ, что они помогутъ намъ. „Когда меня не станетъ, завѣщаль прен. Серафимъ, ходите ко мнѣ на гробикъ; ходите, когда вамъ время есть, и чѣмъ чаще, тѣмъ лучше. Все, что есть у васъ на душѣ, все, о чемъ бы ни скорбѣли, что ни случилось бы съ вами,—все придите, да мнѣ на гробикъ, припавъ къ землѣ, какъ живому, и расскажите. И услышу васъ и скорби ваши, какъ и прежде. Какъ съ живымъ, со мною говорите.“

Твердо знаемъ и то, что не оскорбляемъ мы Господа своею молитвою къ святымъ.

Почему? Человѣку не дано постигать чужую душу, а Господь видитъ все сердце наше, читаетъ въ немъ, какъ въ открытой книгѣ—всякое желаніе, каждую мысль... Его всевѣдѣнію видимо, какъ болѣзненно созидается въ грѣшной душѣ спасеніе, какъ стыдливо чутка пробудившаяся совесть, какъ тяжело ей сознаніе своей неоправданной вины предъ Господомъ, какъ естественно ей искать опоры въ сочувствующей, родной и сильной, подобосущной ей душѣ... „Неужели оскорбить Господа Бога, если я пойду со своимъ горемъ и скорбью сначала къ своей матери или отцу, сестрѣ или брату, или на могилку ихъ, или къ гробу брата и отца моего Серафима и потомъ вмѣстѣ съ ними пойду съ молитвенной общей просьбой къ Господу“ (іер. Михаилъ).

Не оскорбитъ, конечно, потому что здѣсь совершается въ присутствіи самого же Господа то священное таинство любви, которое заповѣдалъ Онъ совершать всѣмъ вѣрнымъ своимъ, т. е. совершается во славу Господа, съ Господомъ и въ Господѣ, Его же святое дѣло ..

Да, молимся мы святымъ Господнимъ. И въ этомъ— великое счастье православной души христіанской... Твердо стояніе ногъ нашихъ. Въ минуты, когда налегаетъ на сердце злое ненастье, когда надвигаются черныя тучи, готовые обрушиться на нашъ покой бурною бѣдой,—даже смятые натискомъ жизненной грозы, тогда,—когда не имущіе упованія станутъ и клануться языкомъ безумія день рожденія своего,—мы не падаетъ въ безсильномъ отчаяніи, потому что и во тьмѣ бури мы видимъ благодатный просвѣтъ; потому что и въ оглушительномъ шумѣ бѣдственныхъ испытаній слышимъ тихіе голоса, не одинъ—тысячи голосовъ, простирающіеся къ нашему слуху бодрящимъ привѣтомъ, призывомъ къ мужеству, обѣщаніемъ сильной помощи...

Къ нимъ, святымъ,—къ дивнымъ Господа и да будетъ все желаніе наше (Ис. 15, 3.), возлюбленные братіе,— а съ ними и въ нихъ Единому, дивному во святыхъ Своихъ,—Господу слава, честь и поклоненіе отъ вѣка и въ вѣкъ!

Священникъ *Евгеній Капрановъ.*